НА СМЕНУ!
Свердловск

АКТЕРЫ И РОЛИ

«ЛИЧНЫЙ СЧЕТ» СТАРШИНЫ ВАСКОВА

МНЕ вовсе не хочется умалять достоинства или преувеличивать недостатки новой работы Свердловского драматического театра над инсценировкой повести «А зори здесь тихие...»

Просто есть спектакли, которые врезаются в память какой-то яркой ролью, удивительно правдивым и искренним мастерством актера. — Премьера свердловчан, вышедшая накануне праздника Победы, относится к числу именно таких. Мне, как и многим, она запомнилась прежде всего старшиной Васковым, образом, созданным артистом Юрием Васильевым.

С одной стороны, казалось бы, так и должно было быть. Характер Васкова все время находится в центре внимания авторов и постановщика. К тому же сам по себе драматургический материал весьма колоритен и выигрышен. Вспомните некоторые из событий. Приняв два взвода зенитчиц, старшина, буквально с первых же минут начинает конфликтовать с девчатами в солдатской форме. Его не устраивает, что команды подаются ими не по уставу, что на огневых позициях они белье сушат, а по ночам из расположения норовят невесть куда ускользнуть.

Согласитесь, нарисовать такой портрет «службиста» можно ой как лихо!..

Но это будет лишь одна сторона роли. Потому что в книге и инсценировке есть еще другой Васков, истинные качества души которого раскрываются в годину суровых испытаний. В далекий тыл, в край нетронутых рос и тихих зорь сброшен немецкий десант. И пятеро девчат во главе с Васковым вступают в неравный поединок с гитлеровцами. И они гибнут, эти ершистые, задиристые «военнослужащие женского пола», у каждой из которых, как выяснится, был «свой счет» с фашизмом. Но прежде, чем придет смерть, настанет мгновение, когда и Рита Осянина, и Женя Комелькова, и Соня Гурвич, и все другие бойцы крошечного отряда поймут, что их суровый командир в действительности совсем не похож на того «сухаря», каким он рисовался в их воображении.

Да, он бывал резок, строг, иногда меньшие, но это была особая строгость, строгость отца, чувствующего себя в ответе за все, что происходит с детьми, — сыновьями и дочерьми.

И опять-таки драматургия позволяет актеру раскрыть положительные качества героя спектакля с исчерпывающей полнотой и ясностью.

Ведь как бы ни были порой правы девчата, утверждающие, что у Васкова «двадцать слов в запасе и те из устава», когда старшина будет учить их нехитрым премудростям солдатской жизни, брать на свои плечи главную тяжесть походных невзгод, наконец, когда он будет стараться грудью прикрыть от пуль своих подопечных, тогда только слепой не заметит, что делается все это героем не из служебной педантичности, а по велению сердца, святого человеческого долга, естественно повелевающего солдату спешить на помощь товарищу, мужчине защищать женщину.

Контрастные краски всегда самые яркие, но временно и самые трудные. И, разумеется, совместить в едином, живом и достоверном сценическом образе такие грани, как суровость и доброта, неколкость речи и ясность мысли, внешняя суровость и внутренняя бесхарактерность, далеко не каждому. Тем радостнее, что характер Васкова, созданный Васильевым, столь счастливо и естественно впитал в себя все гамму этих черт.

Причем, мне бы хотелось подчеркнуть слово «естественно», употребляя его в самом широком значении. Но степень достоверности актерского мастерства моментами столь велика, что теряется ощущение театрального представления. Вымокший от пота, превозмогающий боль ран, осторожно мстящий за смерть девчат, герой Васильева воспринимается как фигура реальная, как лицо, существующее в действительности.

Надо ли говорить, сколь важно для спектакля в целом такое восприятие главного героя. Оно заставляет не умозрительно, а очень лично, глубоко и выстраданно ощутить, что это такое — обстановка военного времени.

НО ВСЕ же, уверен, как бы ни был выигрышен с точки зрения исполнительской драматургический материал пьесы, как бы естественно и просто не прожил его Васильев в лучших сценах спектакля, старшина Васков вряд ли стал бы тем важным смысловым и художественным центром сценического рассказа, не найди актер и режиссер-постановщик А. Соколов в натуре героя одной весьма важной особенности. Если хотите, даже уставного звена. Потому что «достоверно» прикинуть на привнившихся девчат — штука не столь уж хитрая. И, наверное, не выходя за пределы нормальной творческой нагрузки, можно передать со всеми бытовыми подробностями ту теплоту, которая невольно прорывается сквозь суровость Васкова, когда он охраняет сон девчат в короткие мгновения привала, хлопочет над заболевшей Галей Четвертак, а чуть позже защищает ее от обвинений в трусости, доказывая, что «струсить — только во втором бою видна, в первом — это растерянность просто, это — от неопытности».

Сказанное только что ничуть не противоречит тому, что десятком строк выше писалось об успехе Васильева, о правде красок, найденных им для создания образа старшины. Фотографичность и хроникальность, контрастные сочетания психологических граней хороши лишь тогда, когда уводят не только в глубину характера, но и помогают открыть самую суть переживаемых конфликтов. Постижая индивидуальность героя, смотря на мир его глазами, мы должны со временем открыть ту главную, основную тому, которая больше всего волнует автора, или актера, заставляя первого браться за перо, а второго — поворачивать образ к залу той гранью, что нажета наиболее злободневной, интересной, значительной, не позволяющей отдельваться, пусть и обстоятельной, но все же чисто информацией.

Вот так и с Васковым у Васильева.

Когда я смотрел спектакль «А зори здесь тихие», мне вспоминалась чухраевская «Баллада о солдате». Точнее, эпизод, где не обстрелянный еще молодой пехотинец Алеша Скворцов ведет бой с немецким танком. Камера оператора и один из моментов боя подымается на такую точку, что земля и небо меняются местами! Такой «перевернутый мир» войны, как мне думается, постоянно стоит перед глазами Васкова, которого играет Васильев. Только он нарвался в его жизнь не в виде вмятнувшейся и подкебесью земли. Он приходит в край тихих зорь в обличье одетых в солдатскую форму женщин. И это не укладывается в сознании старшины. Нет, не потому, что Рита Осянина, Соня Гурвич или Женька Комелькова не способны стать настоящими зенитчицами, солдатами, воинами. Но лицо войны, лицо фашизма именно потому так страшны, так ненавистны Васкову, что противоречат самым основам жизни. Не случайно, когда погибнет первая из девушек в отряде Васкова, актер особой интонацией, буквально собственным пеплом души, оттенит каждое из слов, сказанных над телом убитой Сони:

— Господи, что мерзко нарожать Соня детишек! А те бы внуков и правнуков... А теперь не будет этой ниточки. Маленькой ниточки, перерезанной ножом!..

РАЗДУМЬЯ о жизни и смерти, о войне, о зверином облике фашизма, о ярости и мести, о неминуемости победы, о святой и бесценной крови, пролитой на полях сражений за Родину, свободу и счастье, постоянно будут не давать покоя старшине Васкову. Снова и снова вспоминая работу Васильева, я невольно постоянно возвращаюсь к эпизоду, где о старшине шутя говорит, что у него «дум набралось кубометра на два, не меньше, и следует их привести в соответствие».

И если серьезно, то эта фраза о «двух кубометрах дум» — ключ к характеру Васкова, созданному Васильевым. Думающий, мыслящий и потому встревоженный, негодующий, суровый... Таким Васков будет всегда. И тогда, когда будет видеть усталых, валящихся от изнеможения девчат. И когда всердцах начнет поносить «в двадцать девять матаков с перебором» и «войну эту, да заодно и майора того, что девчат в погоню отрядил». Так будет и в минуты, когда герой Васильева начнет узнавать о «личных счетах» девчат с немцами и заведет свой «личный счет», не позволяющий выбрать для врага «легкую смерть». Так будет и тогда, когда, потеряв последнего из «бойцов женского пола», Васков мучительно спросит себя:

— Нюка война, понятно. А потом, когда мир будет? Будет понятно, почему вам умирать приходилось? Что ответить, когда спросят: что ж вы, мужики, нам наших от пуль защитить не могли? Что же это вы со смертью их оженили, а сами целехоньки?

Нет, не потому столь сурово и неприветливо встречал старшина Васков в спектакле первое и второе отделение третьего акта пятой роты Отдельного зенитного батальона, что рос в глуши, что не кончал университетов. И приверженность к уставу тут тоже ни при чем, так же, как легкий старшинский характер. Просто знал Васков у Васильева несколько данных хитов. И ему, потерявшему отца, не надо было объяснять, как это страшно быть сиротой. И какое дорогое это слово — Мать. У него была жена. И сын, который умер перед войной. И мечта о новых детях...

Так мог ли такой вот человек не то что с радушием, а просто спокойно взять под команду столько женщин в солдатской форме? Мог ли он спокойно смотреть, как трудно им привыкать к мужицкой солдатской жизни? Мог ли не требовать с такой строгостью выполнения всех параграфов устава, начиная с обмундирования и портянок и кончая выполнением приказов командира? В этом видел он посильную возможность хоть как-то уберечь девчат от роковых случайностей войны. И старался быть им отцом и матерью, первым бросаясь туда, где смерть.

Он сделал все. Но война есть война. Девчата погибли. И это самая страшная трагедия для Васкова. Васильев не собирается ее смягчать. Его раздумья о случившемся — боль и крик сердца! Но есть в них и гордая, светлая нотка, та, что, не умаляя трагедии, делает ее оптимистической, это жгда, задержав немцев, изнемогая от ран, перед памяти. Васков — Васильев с тупой яростью кричит в спины фрицев:

— Что, взяли? Взяли, да?.. Пять девчат, пять девчонок всего было, всего пятеро! А мы прошли ры, никуда не прошли и сдохнете здесь, все сдохнете! Лично каждого убью, если начальство помилует! А там пусть судят меня! Пусть судят!..

СПЕКТАКЛЬ судит. Зал судит. Не Васков. Раздумается. Сознание идет над фашизмом, войной, над теми, кто принес слезы и смерть на советскую землю, над теми, кто снова хочет развязать кровавую бойню. И «Зори здесь тихие» уже воспринимаются не как хроника, не как рассказ об одном из эпизодов недавнего прошлого, а как обращение к людям нашего сегодня, обращение судьбой и жизнью старшины Васкова и пятерых девчат в серых шинелях. Смысл этого обращения прост: сделайте все, чтобы женщины никогда не носили солдатской одежды.

Повторяю, то, что эти слова доходят до сердца, — в значительной степени обусловлено блестящей работой Ю. Васильева. И пусть она далека от безоговорочного совершенства, пусть, особенно в первых сценах, раздумья и сложность характера героя подчас еще несут на себе гладкость и натуралистичность жанровой сценической информации, — не беда. Со временем и здесь станет хозяином положения раздумье о «перевернутом мире войны», о человеке, который жизнью, горением, любовью своей может попрать смерть.

Л. МАКОВКИН.

На снимке: сцена из спектакля «А зори здесь тихие». В роли старшины Васкова — Ю. ВАСИЛЬЕВ.